

Перевод Ф. А. Петровского

В настоящем издании дается двойная нумерация стихов. Арабские цифры - порядковые номера стихотворений в данном издании; римские цифры в скобках - нумерация по Собранию сочинений Данте, изданному в юбилейном 1965 г. «Societa dantesca italiana», в котором раздел «Стихотворений» печатается по тексту Микеле Барби.

70 (I)

Джованни дель Вирджилио - к Данте

Благостный глас Пиэрид, услаждающий пением новым
Тленный мир, вознести его жизненной ветвью стараясь,
Взору людскому открыть троякой участи грани,
Что суждена их душе по заслугам: Орк - нечестивым,
5 Лета - парящим к звездам, надфебово царство - блаженным,
Что ж ты бросаешь, увы, неизменно столь важное черни,
Бледным же нам ты своих совсем не даешь прорицаний?
Право, кифарой скорей расшевелит кривого дельфина
Дав и быстрее разрешит загадки мудреного Сфинкса,

10 Чем невежды постичь глубины Тартара смогут,
Да и Платону едва постижимы вышние сферы,
Хоть обо всем этом здесь безо всякого квакает толку
На перекрестках болтун, что и Флакка со свету сжил бы.
Скажешь: "Не им говорю, а тем, кто искусен в науке!"
15 Да, но ведь светским стихом! Ученым народное чуждо:
Пусть это общий язык, но с тысячью всяких различий.
Кроме того, ни один (а ты ведь шестой в этом строе),
Да и твой вождь в небесах, площадной никогда не писали
Речью; а потому, о поэтов судья беспристрастный,
20 Вот что скажу я тебе, коль меня обуздать не захочешь:

Не расточай, не мечи ты в пыль перед свиньями жемчуг,
Да и Кастальских сестер не стесняй непристойной одеждой,
Но возглашай, я молю, то, что славу твою преумножит,
Во вдохновенных стихах, и тем и другим одаренный.
25 Ведь уже многое ждет в рассказах твоих освещения:

К звездам каким полетел Юпитеров оруженосец,
Пахарь какие, скажи, цветы и лилии вырвал,
Ланей фригийских воспой, собачьим растерзанных зубом,
Горы Лигурии, флот опиши ты партенопейский.
30 В этих стихах ты бы мог до Гадеса Алкидова выплыть,
Истра вспять потекут струи для знакомства с тобою,
Царству Элиссы былой и Фаросу станешь ты ведом.
Коль тебе слава мила, то ни область в тесных пределах
Не успокоит тебя, ни сужденье льстивое черни.

35 Первым я наслажусь, коль меня сочтешь ты достойным,-
Жрец Аонид и родной, соименный поклонник Марона,-
Пред школярами предстать при всеобщем их ликование
Вместе с тобой на челе в пенейском венке благовонном,
Точно глашатай верхом, с восторгом славящий громко
40 Въезд триумфальный вождя восхищенным толпам народа.

Вот уже чуткий мой слух потрясают военные клики:
Жаждет чего отец Апеннин? Что Тирренского моря
Волны вздымает Нерей? Что Марс повсюду скрежещет?

Аиру бери, укроти людские безумные страсти!

45 Этого коль не поешь, предоставив другим песнопенья,

Знай, что останется все никем без тебя не воспетым.

Если же подал ты мне надежду со струй Эридана

К нам снизойти и почтить меня письмом дружелюбным,

Коль без досады прочтешь ты сначала бессильные вирши
50 Гуся, какие болтать он певучему лебедю смеет,
Или ответь, иль мои исполни заветы, учитель.

71 (II)

Данте - к Джованни дель Вирджилио

В черных на белом листе получили мы буквах посланье,
Из пиэрийской груди обращенное к нам благосклонно.
Мы в этот час пасущихся коз, как бывало, считали,
Сидя под дубом в тени вдвоем с моим Мелибеем.
5 Он в нетерпенье, скорей твое пенье услышать желая:
"Титир, что Мопс? - спросил.- Чего он там хочет? Скажи мне!"
Смех одолел меня, Мопс; но он приставал неотступно.
Ради него наконец перестал я смеяться и другу:
"Ты не с ума ли сошел? - говорю.- Тебя требуют козы,
10 Ими займись, хоть тебе был обедешко наш не по вкусу.
Пастбищ ведь ты не знаток, которые всеми пестреют
Красками трав и цветов и какие высокой вершиной
Нам затеняет Менал, укрыватель закатного солнца.
Вьется ничтожный кругом, прикрытый ракиты листвою,
15 По берегам ручеек, орошающий их непрерывно
Вечной струею воды, истекающей с горной вершины,
Самостоятельно путь отыскав по спокойному руслу.
Здесь-то, пока в мураве резвятся нежной коровы,
Мопс все деянья людей и богов созерцает с восторгом
20 И на свирели игрой сокровенные он открывает
Радости, так что стада за сладкою следуют песней
И укрощенные львы сбегают с горы на долины,
Воды струятся вспять и волнуется лес на Меналах".

"Титир,- сказал Мелибей,- если Мопс в неведомых травах
25 Пенъем чарует, так я с твоей помощью мог бы бродячих
Собственных коз научить его неведомым песням".

Что мне тут было сказать, если он так настаивал страстно?

"Из года в год, Мелибей, к Аонийским вершинам в то время,

Как изучению прав отдаются другие для тяжёб,

30 Мопс уходит, в тени священной рощи бледнея.

Там, вдохновенья водой омытый, насытившись вволю

Звучной струей молока и по самое горло им полный,

Он призывает меня к обращенной в лавр Пенеиде".

"Что же тут делать? - спросил Мелибей.-

Никогда не украсишь

35 Ты себе лавром чело, пастухом оставаясь навеки?"

"О Мелибей, и почет, да и самое имя поэтов

Ветер унес, и без сна только Мопса оставила Муза".

Так возразил я, но тут досада возвысила голос:

"Блеяньем жалостным все огласятся холмы и поляны,

40 Если в зеленом венке я на лире пеан заиграю!

Да убоюсь я лесов и полей, не знакомых с богами.

Не расчесать ли мне лучше волос в триумфальном уборе

И, коль когда-нибудь я вернусь к родимому Сарну,

Русые некогда скрыть зеленой листвою седины?"

45 Он: "Без сомненья,- в ответ,- потому что ты видишь, как быстро,

Титир, время бежит: ведь уже состарились козы,

Маткам которых козлов мы давали с тобой для зачатия".

Я же: "Когда обитателей звезд и круговороты

Тел мировых воспою, как воспел я и дольные царства,

50 Голову пусть мне тогда и плющ и лавр увенчают,

Только бы Мопс допустил!" "Да при чем же тут Мопс?" - возразил он.

"Разве не видишь, что он возмущен Комедии речью,

Иль потому, что ее опошили женские губки,

Иль потому, что принять ее совестно сестрам Кастальским?" -

55 Так я ответил ему; и сизнова, Мопс, перечел я

Стихотворенье твое. Плечами пожал он и снова:

"Что же тут делать? - спросил.- Убедить постараться нам Мопса?"

"Есть у меня,- говорю,- овечка любимая, знаешь,

Вымя ее так полно молока, что едва ей под силу.

60 Все под утесом она: ушла пережевывать жвачку.

В стаде она никаком не ходит, законов не знает,

Хочет - приходит сама, насильно ее не подоишь.

Вот поджидаю ее, и уж тянутся к вымени руки:

Десять крынок с нее надоить собираюсь я Мопсу.

65 Ну а тем временем ты о козлах позаботься бодливых

И научись разгрызать зубами ты черствые корки".

Так с Мелибеем моим вдвоем мы пели под дубом,

А в шалаше между тем варилась нам скромная полба.

72 (III)

Джованни дель Вирджилио - к Данте

Там, где под влажным холмом встречается Сарпина с Реном -

Резвая нимфа, своих волос белоснежные пряди

Зеленью переплетя,- в родимой я скрылся пещере.

Вольно телята паслись на лугах прибережных, и овцы -

5 Нежных листья кустов, а тернистых - козы щипали.

Что было делать юнцу, одинокому жителю леса?

Бросились все защищать дела судебные в город!

Ниса моя, Алексей мой молчали. Ножом искривленным

Дудочки из тростника водяного себе вырезал я

10 На утешенье; но вот с тенистого тут побережья
Адриатических волн, где густые сосновые рощи
Тянутся вверх к небесам и где волею гения места
Длинным строем своим они пастбищ хранят луговины
В благоухании мирт и травы, покрытой цветами,
15 Где воды Овна-реки, руно омывающей в море,

Не позволяют пескам никогда оставаться сухими,-
Титира голос ко мне донесло дуновение Евра;
И в дуновении том ароматы с высоких Меналов
Слух услаждают, в уста молока мне влага струится.
20 Этакой сладкой сыты никогда не пришлось и отведать
Пастырям стад, хоть они поголовно аркадяне родом.
Нимфы Аркадии всей ликуют, слушая песню,
И пастухи, и быки, и лохматые козы, и овцы;
Уши подняв, устремляются с гор даже сами онагры,
25 Даже и фавны, смотри, с холма Ликейского скачут.
Думаю: "Если овец воспевают Титир и козлищ
Или же стадо пасет, зачем ты гражданскую оду,
В городе сидя, запел, коли дудки Бенакской свирели
Звучным натерли тебе пастушеским губы напевом?

30 И от тебя, пастуха, пусть услышит он песню лесную".
Толстые тут же стволы отложив, я, нимало не медля,
Тонкие дудки беру и, губы надув, начинаю:
"О богоравный старик, ты вторым будешь после Марана,
Да и теперь ты второй или сам он, коль можно поверить,
35 Как Мелибей или Мопс пророку Самосскому верит.
Но хоть - о горе! - живешь ты под пыльным и грязным навесом
И, справедливо гневясь, ты рыдаешь о пастбищах Сарна
Отнятых - стыд и позор тебе, город неблагодарный! -
Мопса, прошу, своего пощади, не давай ему слезы

40 Горькие лить, и себя и его ты не мучай, жестокий.

Он ведь с любовью такой к тебе льнет, с такой, повторяю,
Ласковый старец, с какой прижимается к стройному вязу

Сотней извивов лоза, неотступно его обнимая.

О, коли русыми вновь ты свои бы увидел седины

45 В зеркале вод и тебе их сама расчесала б Филлида,

Как восхитился бы ты виноградом у хижины отчей!

Но, чтоб тебя не изъела тоска в ожидании светлой

Радости, можешь мои посетить ты укромные гроты

И погостить у меня. Споем с тобою мы оба -

50 С легкой тростинкою я, а ты, как мастер почтенный,
Строгую песню зачнешь, чтобы каждый года свои помнил.

Место тебя привлечет: журчит там родник полноводный,

Грот орошая, скала затеняет, кусты овевают;

Благоуханный цветет ориган, есть и сон наводящий

55 Мак, о котором идет молва, будто он одаряет

Сладким забвеньем; тебе Алексид тимьяна подстелет -

Я Коридона пошлю за ним,- Ниса охотно поможет

Ноги, подол подоткнув, и сама нам состряпает ужин;

А Тестиллида меж тем грибы хорошенько поперчит

60 И, накрошив чесноку побольше, их сдобрит, коль наспех

Их по садам Мелибей соберет без всякого толку.

Чтобы ты меда поел, напомнят жужжанием пчелы;

Яблок себе ты нарвешь, румяных, что щечки у Нисы,

А еще больше висеть оставишь, красой их плененный.

65 Вьется уж плющ от корней из пещеры, сверху свисая,

Чтобы тебя увенчать: ни одной не забудем утех.

Здесь тебя ждут, и сюда соберутся толпой паррасийцы -

Юноши все, старики и всякий, кто страстно желает
Новым стихам подивиться твоим и древним учиться.

70 Диких коз из лесов и шкуры рысей пятнистых
В дар тебе принесут. Ведь твой Мелибей это любит.
Здесь тебя ждут: не страшись ты нагорных лесов наших, Титир,

Ибо поруку дают, качая вершинами, сосны,
Желудоносные также дубы и кустарники с ними:
75 Ни притеснений здесь нет, ни козней злых, о которых
Думаешь ты, может быть; иль моей любви ты не веришь?
Или, пожалуй, мою презираешь ты область? Но сами
Боги, поверь, обитать не гнушались в пещерах: свидетель
Нам Ахиллесов Хирон с Аполлоном, стада сторожившим".

80 Мопс, обезумел ты, что ль? Иолай, и любезный, и светский,

Ведь не потерпит никак твоих даров деревенских,
Да и пещера твоя ничуть шалашей не надежней:
Пусть себе тешится в них. Но что же твой ум обуяло?
Что запыхался? Чего не стоят твои ноги на месте?
85 Девушке мальчик и мил и желанен, мальчику - птица,
Птице - леса, и лесам - дуновение весеннего ветра.
Титир, ты Мопсу желанен, желанья любовь порождают.
Презришь меня - утолю я жажду фригийским Мусоном,
То есть - тебе невдомек - рекой удовольствуюсь отчей.

90 Но почему же мычит моя молодая корова?

О четырех сосках тяжело ей набухшее вымя?
Думаю, да. Побегу наполнить емкие ведра
Свежим ее молоком: размягчит оно черствые корки.
Ну, подходи, подою! Не послать ли нам Титиру столько
95 Крынок, сколько и нам он сам надоить обещался?
Да молоко посылать пастуху неуместно, пожалуй.
Вот и друзья! Говорю, а солнце уже за горою.

73 (IV)

Данте - к Джованни дель Вирджилио

Сбросив Колхиды руно, бысролетный Эой и другие
Кони крылатые вскачь возносили в сиянье Титана.
По колеям, от вершины небес спускавшихся долу,
Мерно катилися все, с пути не сбиваясь, колеса.
5 Мир засиял, и всю тень. какою себя сокрывает,
Сбросил он прочь, и поля смогли раскалиться под солнцем.
Титир и Алфесибей устремились поэтому в рощу,
Сами себя и стада уберець стараясь от зноя,-
В рощу, где ясень, платан и липы растут в изобилье.
10 Тут, пока на траве ложатся овцы и козы
В чаще лесной и пока свободно дышать начинают,
Титир по старости лет прилег, осененный листвою
Клена, и задремал, вдыхая запах снотворный;
Рядом стоял, опершись на корявую палку из груши,
15 Алфесибей и к нему обратился с такими словами:
"То, что мысли людей,- сказал он,- возносятся к звездам,
Где зародились они перед тем, как войти в наше тело;
То, что Каистр оглашать лебедям белоснежным отрадно,
Радуюсь ласке небес благодатных и долам болотным;
20 То, что рыбы морей, сочетаясь, моря покидают,
К устьям сбираясь рек, где проходят границы Нероя,
Что обагрят Кавказ тигрицы гирканские кровью;
То, что ливийский песок чешуей своей змеи взметають,-
Этому я не дивлюсь: свое ведь каждому любо,
25 Титир; но я удивлен и диву даются со мною

Все пастухи на полях земли сицилийской, что Мопсу
Любо под Этною жить на скудных скалах Циклопов".
Только он кончил, как вдруг перед нами, совсем запыхавшись,
Стал Мелибей, и едва он способен сказать был: "О Титир!" -
30 Смех одолел стариков, что юноша так запыхался,
Точно сиканов, когда Сергест сорвался с утеса.
Старший седую тогда с зеленого голову дерна
Поднял и так обратился к нему, раздувавшему ноздри:
"О неумный юнец, по какой ты внезапной причине
35 Опрометью прибежал, своих легких в груди не жалея?"
Тот в ответ ничего, но лишь только тронуть собрался
Он тростниковой своей свирелью дрожащие губы,
Вовсе оттуда не свист до жадного слуха донесся,
Но, когда юноша звук постарался извлечь из тростинок -
40 Чудо, но я говорю по правде,- тростинки запели:
"Там, где под влажным холмом встречается Сбрпина с Реном";
Если же три бы еще они лишних выдули вздоха,
Сотней тогда бы стихов усладили селян онемелых.
Титир и Алфесибей внимательно слушали оба,
45 Алфесибей же с такой обратился к Титиру речью:
"Что же, почтенный старик, ты росистые земли Пелора
Бросить решишься, пойти собираясь в пещеру Циклопа?"
Он: "Не боишься ли ты? Что меня, дорогой мой, пытаешь?"
Алфесибей же: "Боюсь? Пытаю?" - на это ответил.
50 "Иль непонятно тебе, что дудка божественной силой
Пела? Подобно тому тростнику, что от шепота вырос -
Шепота, что возвестил о висках безобразных владыки,
Бромия волей Пактола песок озлатившего ярко?
Но коль зовет к берегам она Этны, покрытою пемзой,
55 Старец почтенный, не верь облыжному благоволенью,
Местных дриад пожалей и овец своих не бросай ты;

Горы наши, леса, родники по тебе будут плакать,
Нимфы со мной тосковать, опасаясь несчастий грядущих,
Да и Пахин изойдет от собственной зависти давней.

60 Будет досадно и нам, пастухам, что тебя мы знавали.

Не покидай, умоляю тебя, о старец почтенный,
Ты ни ручьев, ни полей, твоим именем славных навеки!"

"Больше, по правде скажу, половины этого сердца,-
Тронув рукою его, престарелый Титир воскликнул,-
65 Мопс, соединенный со мной ради тех взаимной любовью,

Что убежали, боясь злокозненного Пиренея!

Думал он, что на берегах от Пада справа и слева

От Рубикона живу я в Эмилии, к Адрии близко;

Он предлагает сменить на этнейские пастбища наши,

70 Не сознавая, что мы вдвоем обитаем на нежной
Гор Тринакрийских траве, которой в горах сицилийских

Лучше нет никакой для пищи коровам и овцам.

Но, хоть и надо считать, что хуже лугов на Пелоре

Скалы этнейские, все ж навестил бы охотно я Мопса,
75 Бросив стада мои здесь, не страшись я тебя, Полифема".

Алфесибей возразил: "Полифема-то кто ж не боится,

Раз он привык обагрять свою пасть человеческой кровью
С самых тех пор, что увидеть пришлось в старину Галатее.

Как разрывал он, увы, несчастного Ацида чрево!

80 Чуть не погибла сама! Могла ли любовь пересилить

Бешенство гнева его и огонь его ярости дикой?

Ну а легко ль удержал свою душу в трепетном теле

Ахеменид, как циклоп упивался друзей его кровью?

Жизнью своей умоляю тебя, не поддайся влечению

85 Страшному, чтобы ни Рен, ни Наяда не отняли этой

Славной у нас головы, которую зеленью вечной

Девы высокой венчать стремится скорее садовник".

Титир, с улыбкой и всей душою его одобряя,

Выслушал молча слова великого стада питомца.

90 Но так как кони, эфир рассекая, неслися к закату,

Быстро тень наводя на все бросавшее тени,

Посохоносцы, покинув леса и прохладные доли,

Снова погнали овец домой, а лохматые козы

К мягкой траве луговин повели за собою все стадо.

95 Неподалеку меж тем Иолай хитроумный скрывался,

Слышал он все, а потом и нам обо всем рассказал он.

Мы же, о Мопс, и тебе поведали всю эту повесть.